
РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ВОЙНЫ И УПУЩЕННЫЕ ШАНСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.Г. ПОПОВ

кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный областной университет,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru;

А.М. СУХОВСКИЙ

кандидат экономических наук, докторант,
Московский государственный областной университет,
e-mail: sam@mgimo.ru

Настоящее исследование посвящено проблеме взаимосвязи между геополитическими трансформациями и экономическим развитием. Институциональная система Российской империи и ее роль «европейского полицейского» имели негативные социально-экономические последствия для ее общества, замедлив переход страны к современному экономическому росту. Предпосылки такого перехода, как утверждают авторы, сложились в Российской империи еще в начале XIX в., но огромные расходы на армию и флот не позволили отечественной экономике перейти на индустриальные рельсы развития.

Ключевые слова: экономическое развитие; институциональная система; геополитические трансформации.

This paper explains the relations between geopolitical transformations and the economic development. The institutional system of the Russian Empire and her role of the "European policeman" generated negative effects on the society and slackened the transition to an economic growth. Although prerequisites for such a transition had been formed as early as at the beginning of the XX century huge spending on the army and on the navy did not allow the Russian economy to pass to industrial development tracks.

Keywords: economic development, institutional framework, the geopolitical transformation.

Коды классификатора JEL: N13, N23, N33, N43, N53, N63, N73.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме влияния геополитических трансформаций в мире на экономическое развитие России в контексте проблемы ее модернизации. Мы отстаиваем идею, что роль «европейского полицейского», доставшаяся Российской империи в наследие от наполеоновских войн, стала роковым факто-

ром, затормозившим переход страны к «современному экономическому росту» в XIX в. Возрастание реакции в России, что стало прямым следствием сворачивания либеральных реформ при Александре I после 1825 г., негативно отразилось на образовательной и научной сферах общества.

Переход России к «современному экономическому росту» мог произойти раньше на одно–два поколения, нежели это фактически случилось в 1880-е гг. Предпосылки к этому сложились уже в начале XIX в., однако перераспределение ресурсов в пользу военной промышленности и армии замедлили данный переход.

О том, что Россия, как Франция и Германия, находилась ближе к 1830-м гг. на грани прорыва в индустриальную эпоху, говорят следующие факты: динамика роста среднедушевого ВВП России в то время не отставала от общемировой, выплавка чугуна в 1820-е гг. в России была выше, чем в Германии, динамика роста промышленного производства была такой же или выше, чем в некоторых странах Запада, но после 1830-х гг. в России наступает перелом, и ее экономика к концу столетия начинает заметно отставать от стран-лидеров Запада (рис. 1, 2, 3).

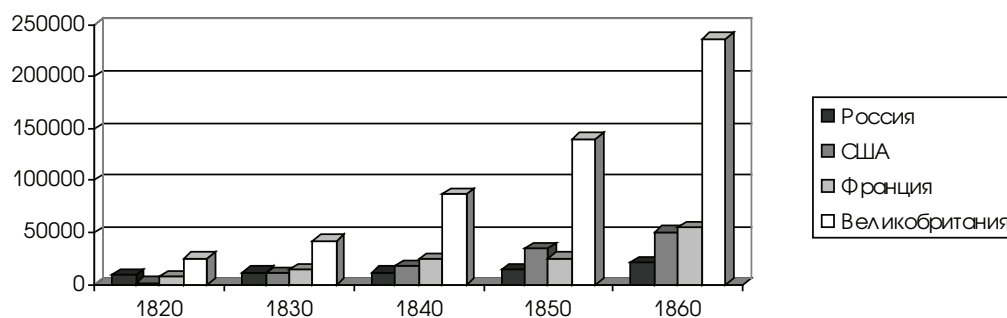

Рис. 1. Производство чугуна в 1820–1860-е гг., тыс. пудов
Составлено по: Гливиц И. Железная промышленность России.
Экономическо-статистический очерк. СПб., 1911. С. 9–10.

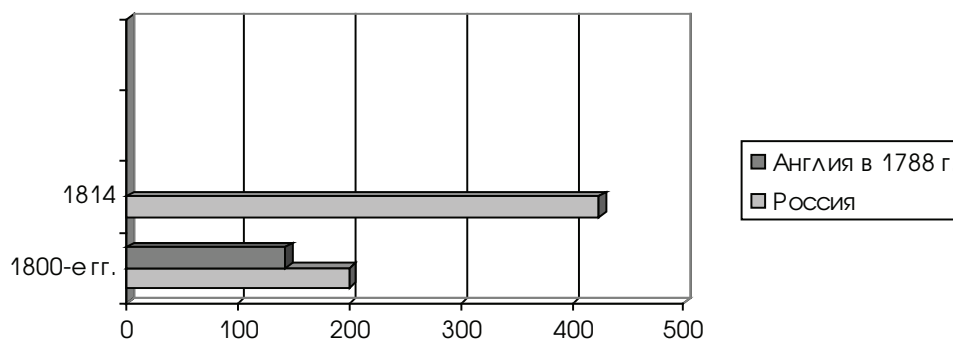

Рис. 2. Количество бумагопрядильных фабрик в России
начала XIX в. и Англии конца XVIII в.

Составлено по: Пушкарев С.А. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 93, Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) Г.
Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб., 1901.

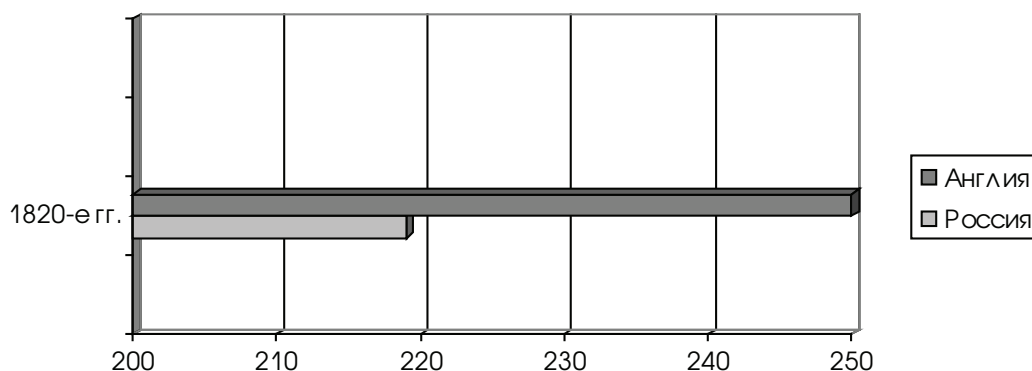

Рис. 3. Численность занятых в хлопчатобумажной и ситцевой промышленности, тыс. чел., в начале XIX в. (для Англии учтены занятые только в хлопчатобумажном производстве, для России приводится показатель середины 1810-х гг., но в 1820-е гг. ситуация с численностью фабричных рабочих изменилась незначительно).

Составлено по: Пушкарев С.А. *Россия в XIX веке (1801–1914)*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 93; Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) Г. *Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб., 1901*.

Таким образом, до 1830 г. Россия по выплавке чугуна, количеству бумагопрядильных фабрик и численности фабричных рабочих не столь значительно отставала от лидера экономического развития — Англии. Отсюда Е. Гайдар не совсем прав утверждения, что, исходя из критериев материального производства, Россия изначально отстала от Запада на 2–3 поколения. Опираясь на предложенные выше данные, мы можем утверждать, что в начале XIX в. разрыв в развитии между Россией и Англией составлял не более одного поколения. Но факторы отставания сформировались уже в то время и даже раньше.

Рост производительных сил в России первой четверти XIX в. не сопровождался институциональной трансформацией общества, что отразилось на индексе развития. Вместе с тем, негативную роль в этом явлении сыграло место Российской империи в контуре политической архитектуры Европы Нового времени, это место европейского полицейского. Россия оказалась втянутой в конфликт между двумя державами, претендовавшими на мировое господство, — Англией и Францией. Поэтому следующий раздел начнем с рассмотрения проблемы этого противостояния.

Англо-французская «дуэль» и Россия

Еще в Средние века в Европе сформировались две силы, которые начали борьбу за господство сперва в Северной Атлантике, а затем и во всем мире, это две супердержавы — Англия и Франция. Почему супердержавы? Дело в том, что, по сути, эти государства были мультинациональными и образовались вследствие жесткой военной экспансии. Франция, фактически, создавалась на почве объединения интересов ряда национальных элит. В отличие от Франции и Англии, Пруссия и Австрийская империя, к примеру, оставались типично феодальными образованиями. Понятие немецкой нации еще в XVIII в. носило скорее поэтизированный, нежели политический характер.

Мощь Франции и Англии, как супердержав, базировалась на связке нескольких социальных структур: армия, флот, городская торговая буржуазия, интеллектуальная элита, земельная аристократия, государственное чиновничество, свободное крестьянство, ремесленники. Речь идет именно о связке этих структур, то есть, об их стремлении работать вместе в одном механизме национального государства на основе общих социально-экономических интересов. Разумеется, экономические противоречия между стратами внутри этих обществ имели место, иначе не было бы Великой революции во Франции, но, во всяком случае, французское и английское общества осмысливали себя как некие целостности, чего нельзя сказать об Австрии Габсбургов, или Священной Римской империи и германской нации.

Переход Англии к современному экономическому росту произошел во второй половине XVIII в., это время совпадает с ростом военно-морского могущества этой страны и колоссальными завоеваниями. Экономическое развитие стран Запада в Новом времени было жестко связано с контролем над морскими коммуникациями.

Борьба за моря во второй половине XVIII в. вылилась в острое соперничество между Англией и Францией, предопределившее последующие два столетия истории. Это противостояние было странным во всех отношениях и получило имя «англо-французской» дуэли, хотя дуэлянтов было несколько, и особую роль здесь сыграла Пруссия. Странность противостояния заключалась в том, что колониальный передел мира впервые осуществлялся не в джунглях Индии и не в жарких саваннах Африки, а на территории Европы и в чисто европейских по культуре и духу колониях Северной Америки. Апогеем «дуэли» двух держав стали две революции — Американская и Великая французская.

Когда Людовик XVI предложил своим министрам оказать военную помощь североамериканским повстанцам, его генеральный контролер финансов заявил, что Франция разорится с выстрелом первой же пушки. Эти слова были истиной, которую Бурбоны познали уже во время штурма Бастилии. При Людовике XV Франция потеряла Канаду и значительную часть контроля над Карибами. До этого Франции сильно досталось от австрийцев и немцев во время войны за Испанское наследство, тогда за 12 лет большой войны погибли порядка одного миллиона французов – колоссальная цифра, если учесть, что население страны не превышало 16 млн чел. на то время. Собственно, Франция после этой войны так и не смогла преодолеть барьер демографического роста в 16 млн чел. вплоть до эпохи Наполеона.

Если сопоставить наиболее острые моменты «англо-французской» дуэли с вехами российской истории, то мы увидим, что все значимое в ранней Новой истории России напрямую связано с тем, что происходило на другом конце Европы и в водах Атлантики.

Северная война, когда произошло рождение Российской империи, явилась продолжением войны за Испанское наследство, тогда же военные расходы России стали наибольшими за всю ее предыдущую историю. Семилетняя война, в которой активное участие принимала Россия на стороне Франции, переломила ход развития первой, окончательно удалив из отечественной истории вариант правления чисто пруссакой партии (правда, возможно, что Петр III провел бы либеральные реформы, в таком случае «немецкий вариант» был бы не самым худшим). Возвышение России на мировой арене в конце XVIII в. совпало с кризисом в Североамериканских колониях, который разрешился бы, вероятнее всего, в

пользу Англии, не вмешайся Франция, на стороне которой оказалась Российская империя.

Таким образом, российская история в Новом времени пошла в контексте противостояний великих держав Запада, в первую очередь – противостояния Англии и Франции.

Перераспределение ресурсов в мире в результате победы Англии в противоборстве с Францией выразилось в первую очередь в перераспределении колониальных товаров и плантаций, на которых они в основном производились. Что бы там не доказывал Макс Вебер и его последователи уже в наше время, отчасти к таковым можно отнести Дугласа Норта, но факты остаются фактами – доходы колоний равнялись доходам национальных экономик в Европе, а иногда даже превосходили их. Основой колониальной экономики было плантационное рабство. Трудно сейчас сказать, была ли альтернатива у европейского капитализма, но очевидно, что колонии ускорили процесс накопления капиталов в Западной Европе. Отсюда в XVIII в. возникло предпочтение западного капитала вкладывать деньги в плантации и рабов, что наглядно демонстрирует пример Барбадоса (табл. 1), а также динамика роста производства сахара в карибских колониях (табл. 2).

Таблица 1

Динамика структуры населения Барбадоса

Год	Белые колонисты	%	Черные рабы	%
1643	37200	86	6000	14
1684	23624	34	46502	66
1724	18295	25	55206	75
1786	16167	21	62115	79

Источник: Watson K. *Slavery and economy in Barbados*. Адрес источника в Интернет: www.bbc.co.uk/history/british/empire_seapower/barbados_03.shtml.

Таблица 2

Динамика производства сахара на Карибах в тыс. т

Год	Бразилия	Британские Карибы	Французские Карибы	Остальные Карибы
1700	20000	22000	10000	5000
1760	28000	71000	81000	20000
1787	19000	106000	125000	36000
1815	75000	168000	36600	66200

Источник: Meddison A. *The world economy: a millennium perspective*. 2001. P. 58.

Система потоков колониальных товаров и финансовых ресурсов, созданных посредством их торговли, была хорошо описана в общих чертах еще Ф. Кенэ. Из Америки и Индии колониальные товары направлялись в Европу, там от их продажи торговые корпорации получали колоссальные доходы (прибыли, как правило, превышали 150%), полученные купцами деньги оседали в банках и Британской

империи, они шли на строительство флота и закупку вооружений, а также на создание мануфактур. Далее, эти финансовые потоки шли в континентальную Европу, в основном в германские государства и Россию, на закупку сырья для промышленности и продовольствия для растущего пролетариата.

Эффективность промышленного производства и труда промышленных рабочих в Англии и во всей Европе оставалась низкой вплоть до конца XIX в., поэтому переход к современному экономическому росту происходил преимущественно за счет внешней торговли и, особенно, торговли колониальными товарами. Для обоснования данного тезиса мы выдвигаем два аргумента – экономическая эффективность плантационного рабства, по сравнению с эксплуатацией труда фабричных рабочих, а также структурный характер развития промышленности в первой трети XIX в.

Доход от эксплуатации одного раба был в семь раз выше, чем доход от эксплуатации одного промышленного рабочего в Англии [14, с. 195]. Зная численность английского пролетариата и рабов Карибского бассейна, а также доход от эксплуатации английского рабочего в фунтах стерлингов, нетрудно вычислить общую доходность плантационного рабства хотя бы для начала XIX в. Еще в позапрошлом веке было подсчитано, что один британский рабочий в хлопчатобумажной промышленности начала XIX в. давал ежегодно продукции на 322 фунта стерлингов [13]. Получается, что общая доходность плантационного раба на Карибах составляла 2254 фунта стерлингов в 1800–1820-е гг. В зоне Карибского бассейна в рассматриваемое нами время было приблизительно 2 млн рабов [10]. Таким образом, ежегодный доход от плантационного рабства только для Карибского бассейна составлял 4 508 000 000 фунтов.

В самой Англии начала XIX в. пролетариат насчитывал примерно 1,4 млн чел. Если предположить, что средняя доходность каждого английского рабочего независимо от отрасли производства составляла 322 фунта стерлингов в год, то мы получим общую ежегодную доходность английского рабочего класса 450 800 000 фунтов стерлингов. То есть, «армия чернокожих рабов» Карибов была в 10 раз эффективнее, с точки зрения финансовой доходности, нежели весь пролетариат Англии. На высокую экономическую эффективность плантационного рабства уже в США первой половины XIX в. указывает Ю.В. Латов [6]. Здесь-то и кроется причина рывка Англии в социально-экономическом развитии, а не в пресловутых процентах накоплений У. Ростоу или протестантской этике М. Вебера. Разумеется, победа Англии в противостоянии с другими колониальными державами во многом объясняется институциональными изменениями в ее обществе и технологическим прогрессом XV–XVIII вв.

Что означает цифра в 4 508 000 000 фунтов стерлингов для мира первой трети XIX в.? Во-первых, это 145 322 000 000 современных фунтов стерлингов, что в переводе — около 232 млрд долл. США по актуальному на сегодня обменному курсу. Для сравнения скажем, ВВП всех государств Германии в 1820 г. составил приблизительно 26,3 млрд долл. США в мировых ценах 1990 г. [17, р. 179]. Таким образом, только доход от эксплуатации рабов в зоне Карибского бассейна почти в 9 раз превышал ВВП всей Германии 1820 г. в границах 1913 г. (без Эльзаса и Лотарингии).

Обратимся теперь к нашему второму аргументу – низкой эффективности фабричного производства в масштабах всей Западной Европы. Будем сравнивать две страны — Англию и Францию. В Англии в 1849 г. применялись 60 000 ручных и 225 000 механических прядильных станков [5, с. 186]. Соот-

ветственно, ручной труд продолжал оставаться здесь пусть слабо, но все-таки конкурентоспособным даже в середине XIX в. Не менее сложно обстояло дело во Франции. Несмотря на то, что цеховое производство в стране практически исчезло после Великой революции, ручное производство продолжало сохраняться на протяжении всей первой половины XIX в. По данным Е.М. Кожокина, в 1860 г. до 97% всех предприятий Франции относились к числу кустарных производств [5, с. 202].

Временной разрыв в освоении паровых машин в производстве составлял между Англией и Францией всего лишь несколько лет. В 1800 г. во Франции было 15 паровых машин, а в Англии около 320. Разница большая, но динамика прироста паровых машин в обеих странах была примерно одинаковой. В 1836 г. во Франции было уже 1749 паровых машин [5, с. 190], в Англии в 1825 г. — 15 000.

Таким образом, количество паровых машин в Англии увеличилось в 50 раз за 25 лет, а во Франции оно выросло в 130 раз за 36 лет. Однако в конце XVIII в. в Британии количество паровых машин увеличилось в более чем 300 раз. То есть, британский прирост произошел за 10 – 15 лет в темпах в два раза больших, чем во Франции за 36 лет. Получается следующее, французская промышленность не смогла совершить тот рывок в увеличении числа паровых машин, как это сделала британская промышленность в 1790-е гг. Упущенное французами время приходится на 1800 – 1810-е гг., именно тогда огромные ресурсы страны, включая и частные капиталы, ушли на поддержание военных предприятий Наполеона. Великая революция и наполеоновские войны были вызваны поражением королевской Франции в борьбе за колонии.

Тем не менее, у французских промышленников были 1830-е, 1840-е, 1850-е и 1860-е гг., чтобы догнать своих английских коллег в аспекте технологии производства. Однако, резкого увеличения применения паровых машин и прочей техники, что должно было сопровождаться укрупнением производств, не произошло. Кроме того, Франция с 1820 г. начала экспортировать машины, так как они не находили, по всей видимости, достаточно большого сбыта на внутреннем рынке.

Пример Франции в первой половине XIX в. говорит в пользу того вывода, что машинное фабричное производство не везде и не всегда было однозначно выгодным и могло победить ручной труд и мелкотоварного производителя.

По мере того как Англия одолевала на море Францию, возрастал ее импорт сырья и продовольствия из России, в результате чего последняя заняла после окончания эпохи Екатерины II проанглийскую внешнеполитическую позицию.

Поражение королевской Франции и великий перелом

Освободив Североамериканские колонии от Британии, Людовик XVI подписал приговор себе и своему государству, в Европе закончилась целая эпоха просвещенного абсолютизма с ее меркантилистской экономикой. Герой борьбы за независимость США Лафайет и многие его соратники стали движущей силой либерального этапа Великой революции во Франции. Возможно, революция во Франции так и завершилась бы ограничением полномочий короля, но экономический кризис, спровоцированный расходами на войну в Северной Америке и потерей Канады, куда могли иммигрировать излишки маргинального населения страны, сделал свое дело — к власти пришли радикалы –якобинцы. Европа погрузилась в пучину продолжительных войн.

Идея национального суверенного государства обернулась для Европы формированием принципиально новой национальной армии, правда, призыв существовал еще в королевской Франции. Успехи Наполеона продолжались до тех пор, пока против него не были выдвинуты такие же национальные армии, в 1812 г. — в России, и в 1814 г. — в Пруссии.

Страх перед новой революцией заставил европейские монархии создать первую систему безопасности, роль полицейского в которой отводилась России. Эта роль фактически стала принадлежать ей во время походов Суворова в Италию, став очень дорогой и обременительной для экономики (рис. 4).

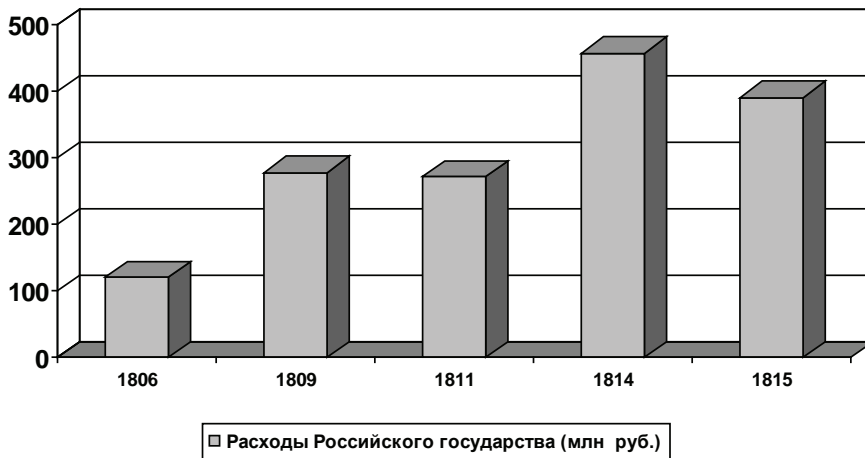

Рис. 4. Бюджетные расходы Российской империи в период наполеоновских войн (млн руб. ассигнациями), 50–60% из них приходилось на вооруженные силы. Составлено по: Государственные финансы России: XIX — первая четверть XX века: Учеб. пособие для вузов / Под ред. И.В. Караваевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

Стабильность Европы держалась на русских штыках, а не на «золотом стандарте» и всемирной банковской системе, как то доказывал Карл Полян [9]. Эта система европейского, а, значит, и мирового в то время политического равновесия существовала вплоть до Крымской войны, которая по расходам для России была почти эквивалентна кампаниям 1812 – 1814 гг.. Именно Крымская война стала переломным моментом в истории Европы, с этого события начался распад системы безопасности в Европе, «концерта держав».

По расчетам П.Н. Милюкова, Россия тратила до 50% своего бюджета на армию и флот (рис. 5). Эти расчеты были сделаны в начале XX в.

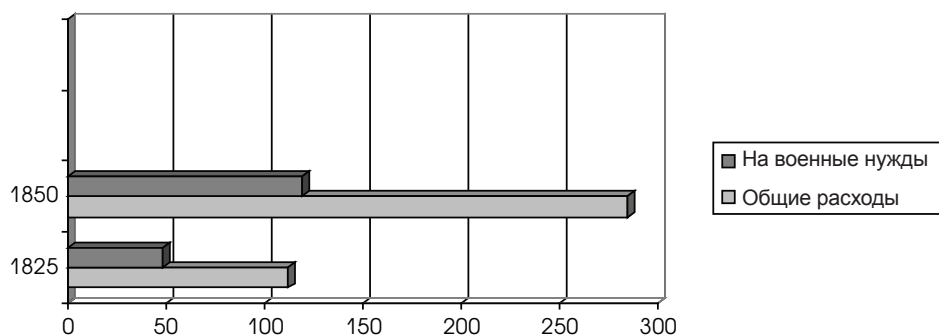

Рис. 5. Расходы бюджета Российской империи, по П.Н. Милюкову. Источник: Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 100.

Итак, по Милюкову, Россия тратила на военные нужды в 1825 г. 48,4 млн руб. Пока что для читателя эта цифра ничего не говорит. Сопоставим ее в международных сравнениях. Один долл. США в начале XIX в. стоил 1,3 руб., к 1825 г. это соотношение не изменилось. Таким образом, военные расходы России составили в 1825 г. 62,92 млн долл. США в ценах того времени, или 1 млрд 177 млн современных долларов по паритету покупательной способности, что составляет около 2,5% ВВП России 1820 г. в границах СССР (по Медиссону, ВВП России тогда составлял 37 710 млн долл. США в ценах 1990 г. [17, р. 184]).

По оценкам А.П. Хромова, бюджетные расходы России на армию и флот выглядели следующим образом (см. рис. 6).

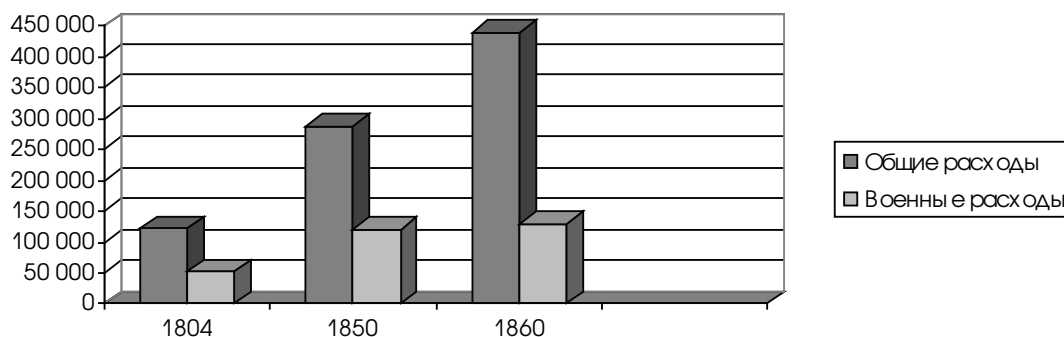

Рис. 6. Расходы бюджета Российской империи, по А.П. Хромову (для 1804 г. в ассигнациях, для 1850 и 1860 гг. в серебряных рублях).

Источник: Арин О.А. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX — начало XX веков). М.: Линор, 1999.

Если исходить из того, что российский рубль и в 1850 г. практически не отклонился от своего курса к доллару США в 1825 г., то картина с военными расходами будет следующая. Россия перед Крымской войной тратила порядка 4 млрд современных долларов в год на военные нужды, что почти в 3,8 раза больше, нежели в 1825 г., и что сопоставимо примерно с 4,9% ВВП Российской империи 1870 г., если исходить из расчетов Медиссоном ВВП России для этого года [17, р. 184]. Мы не думаем, что ВВП России значительно вырос с момента окончания Крымской войны, после 1856 г., очевидно, имел место его спад, который длился, возможно, 8–10 лет.

Сложность подсчетов реальных расходов России на вооруженные силы отражает особенности развития финансовой системы Российской империи XIX в. Естественно, что учет процента инфляции тогда никто не вел. К тому же, бюджет эпохи Александра I исчисляется в ассигнациях, стоимость ассигнации тогда составляла около 25 серебряных копеек. Но цены периода наполеоновских войн были ниже в 2 – 2,5 раза, нежели в середине XIX в. Судить так нам позволяет тот факт, что рубль в конце XIX в. обесценился, по сравнению с первой половиной этого столетия, в 4 раза, или приблизительно на 400%, то есть обесценивание рубля шло темпами по 100% за 25 лет [8]. Таким образом, реальная стоимость военного бюджета России 1804 г. была в серебряных рублях 1850 г. примерно 24 млн, то есть в 5 раз ниже, чем в канун Крымской войны. И это при том, что с 1800-х гг. российские вооруженные силы почти не модернизировались!

Заметим еще одну важную деталь. Совокупные бюджетные расходы Российской империи первой половины XIX в. составляли около 8-11% ВВП, если исходить из данных Медиссона по динамике российского ВВП в данный период и наших расчетов стоимости рубля. В условиях аграрного общества и даже раннего современного экономического роста такая нагрузка на экономику не может вести к замедлению экономического развития. ВВП России вырос почти в 2,5 раза с 1820 по 1870 гг., государственное давление на экономику не ослабло, оно было почти таким же, как и в Англии (рис. 7).

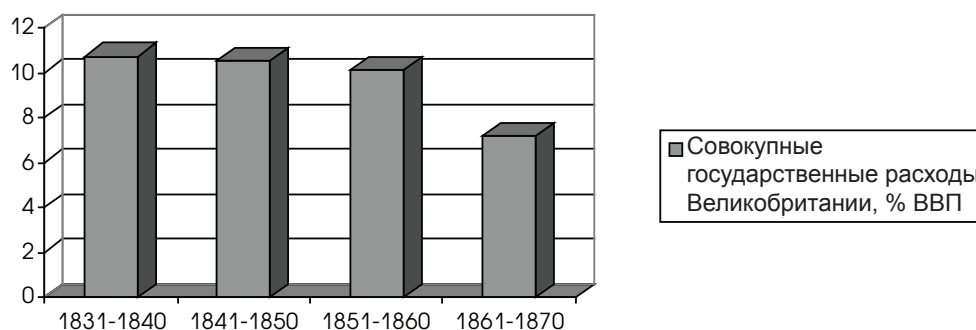

Рис. 7. Источник: Mitchell B. *International Historical Statistics. Europe 1750-1993*. L.: Macmillan Reference LTD, 1998.

Еще в конце XIX в. французский экономист П. Леруа-Бойе утверждал, что государственные расходы, которые превышают 12%, крайне вредны для роста благосостояния нации [16]. Порог государственных расходов в 10% от ВВП был характерен для всей Европы практически до конца XIX в. [2, с. 33]. Экономисты и политики тех лет прекрасно понимали, как Леруа-Бойе, что превышение этого уровня влечет за собой пагубные последствия для экономики.

Но не будем спешить с выводами. Российское правительство во все времена использовало скрытые методы финансирования военных нужд. В XVI – XIX вв. это была поместная система, через которую феодальное Российское государство перекладывало свои расходы на население. В большинстве стран Запада поместная система и крепостное право были к началу — середине XIX в. далеким анахронизмом. Поэтому сопоставление реальных военных расходов России и государств Западной Европы только по бюджетным статьям не дает истинной картины положения вещей.

Другим, уже более поддающимся расчетам источником финансирования военных нужд, в России всегда был государственный долг. В 1850 г. выплаты по государственному долгу составили 15% от всех бюджетных расходов, в 1891 г. — 29%.

Определить точно масштабы изъятия ВВП в пользу дворянства ныне не представляется возможным, но попытаемся это сделать приблизительно. Используем следующие входные данные. 10% всего крепостного крестьянства, насчитывавшего 20 млн чел., Российской империи середины XIX в. относилось к разряду «дворянских», то есть это были в большинстве своем изъятые для личных нужд дворян трудовые ресурсы страны. Другим по степени жесткости эксплуатации были барщинные крестьяне, те, что отрабатывали только натуральные повинности. Их насчитывалось в середине XIX в. около 70% от всего крепостного крестьянства

[3, с. 379]. Крестьяне этого класса должны были работать в среднем 4 дня в неделю на помещика.

Оброчные крестьяне должны были выплачивать денежную сумму помещику, ее размеры различались, в зависимости от губернии и даже поместья, но средняя сумма составляла 80 руб. в год. Численность оброчных крестьян составляла около 4 млн чел., но платили они помещику с тягла, то есть, с надела. Большинство оброчных крестьян имели наделы. Численность крепостного крестьянства мы определяем по ревизским сказкам, в них учитывались только мужчины, собственно, русское крепостное крестьянство официально состояло только из мужчин. Поэтому в русских ментальных представлениях XIX в. крестьянин и мужик были синонимами. Таким образом, ежегодный объем оброчных выплат в России середины XIX в. составлял 240 млн руб., что в переводе эквивалентно почти 10 млрд долл. США, или около 12% ВВП России 1870 г.

Если объем изъятий с издельного крестьянина (те, которые отрабатывали барщину) в денежном эквиваленте был таким же, как и с оброчного (мы имеем все основания так предполагать), то масштаб изъятий в пользу дворян должен был в середине XIX в. составить приблизительно 60% от ВВП. Таким образом, общий масштаб государственного изъятия от ВВП был около 70 % для середины XIX в., что в 7 раз больше порогового показателя экономики того периода. Мы можем смело приравнивать барщину и оброк к налогам, ибо они были санкционированы государством как принудительные изъятия.

Нам могут возразить, что присвоенные дворянами результаты труда крепостных инвестировались в сельское хозяйство и промышленность. Да, это отчасти так, но и государственные налоги также нередко шли на создание полезных объектов, например, железных дорог.

Увеличение расходов Российской империи на вооруженные силы не сопровождалось повышением качества вооружений и подготовки личного состава армейских частей и флота (табл. 3), хотя к моменту начала Крымской войны, судя по бюджетным расходам, российская армия могла быть в несколько раз мощнее, нежели в эпоху наполеоновских войн, но этого не произошло. Россия однозначно попала в институциональную ловушку, выход из которой был найден только в начале 1860-х гг.

Несмотря на то, что с 1838 года военным всего мира было хорошо известно о штуцерах, скорострельность и дальность стрельбы российских пехотных ружей и артиллерии практически не увеличивались. Новые виды морских вооружений в России почти не развивались. В чем причина? Дело в том, что немалые средства шли на содержание раздутого офицерского корпуса, а также на закупку военных материалов за границей, преимущественно в Пруссии, свое военное производство развивалось слабо.

Помимо того что имела место слишком сильная государственная нагрузка на экономику, в XIX в. сохранялось и даже увеличивалось бремя содержания дорогостоящей аристократии. Эту тему мало кто затрагивает в своих исследованиях российской экономической истории того периода, но русская элита была действительно обременительна для экономики, если сравнивать положение России с другими государствами, например, с Пруссией. Мы имеем больше статистических сведений по численности дворян и поместий в Российской и Прусской империях конца XIX в., в середине XIX в. положение не сильно отличалось.

Таблица 3

Основные сухопутные вооружения российской армии

Вооружение 1812 г.	Технические характеристики	Вооружение 1853–1855 гг.	Технические характеристики
Гладкоствольное пехотное ружье	Дальность стрельбы 250–300 м Скорострельность 1–2 выстрела в мин	Гладкоствольное пехотное ружье	Дальность стрельбы 250–300 м Скорострельность 1–2 выстрела в мин
Основное армейское орудие образца 1805 г. («Единорог»)	Дальность прицельной стрельбы 1,0–1,1 км Скорострельность 1–2 выстрела за мин	Основное армейское орудие образца 1805 г. («Единорог») с модификацией лафета 1845 г.	Дальность прицельной стрельбы 1,0–1,1 км Скорострельность 1–2 выстрела за мин

*Составлено по: Материалы сайта «Дедовские войны»
<http://www.kulichki.com/grandwar/crimean/arming.html>,
 материалы военно-исторического сайта «Адъютант»
http://www.adjudant.ru/table/Rus_Army_1812_4.asp*

(материалы этих сайтов основаны на квалифицированных исторических исследованиях).

В 1895 г. в Пруссии насчитывалось около 18 300 крупных земельных хозяйств [1, с. 144], из них не более 70% принадлежали дворянам или юнкерам. Таким образом, страта прусских помещиков в самом конце XIX в. могла составлять не более 13 тыс. семей на почти 52 млн населения, или одна семья помещика примерно на 3900 жителей Пруссии.

В России в 1870 г. числилось 114 716 дворян-землевладельцев [15]. Так как на одно поместье вполне могло приходиться 2–4 владельца, то речь должна идти, как минимум, 27 000 дворянских семей на почти 70 млн населения (данные за 1863 г. [4, с. 68–69]). Отсюда получается, что на 2 600 россиян приходилась одна дворянская семья. Но этот расчет мы сделали исходя из предположения, что на одно поместье в среднем приходилось 4 совладельца. Совладение поместьем было не столь частым явлением даже для XVIII в. [11, с. 79–101].

Иная картина получается, если каждого из 114 716 дворян-землевладельцев считать единоличным владельцем поместья и главой семьи. Такое предположение, с некоторыми оговорками можно сделать, если опираться на данные переписи 1897 г., когда было определено, что в России проживало 328 513 лиц, живущих с капитала и недвижимого имущества, а на их иждивении числилось 575 105 чел. [7]. Столыпин в начале XX в. сказал в Государственной Думе, что в России есть 130 000 дворянских семей, живущих с имений. Цифра, названная Столыпиным, почти согласуется с численностью дворянства в 1870 г. Если так, то примерно на 1000 россиян на рубеже XIX–XX вв. приходилась одна семья поместных дворян, или приблизительно на 700 рядовых россиян одна дворянская семья — в 1870-е гг., то есть почти в 4–5 раз больше, чем в Пруссии.

Потребности и расходы прусской земельной знати были скромнее, чем у русских дворян-землевладельцев. Производительность прусского поместья была выше, нежели русского. При этом в некоторых государствах Германии и провинциях Пруссии помещичье землевладение было незначительно развито в конце XIX в. Например, в Бадене его удельный вес в общей площади земель составлял тогда 1,8% [1, с. 144].

Провести демонтаж общественной системы, при которой в стране господствовали дворяне, Романовым было не под силу. Во всяком случае, были две такие попытки: это — короткое время правления Петра III и период царствования Павла I, оба императора закончили трагично и известны большинству россиян по официальной историографии своими чудачествами, а не попытками реформ. (Кстати, если психические отклонения Павла I не вызывают у историков сомнений, то насчет Петра III есть разногласия по данному поводу.)

Несмотря на сильную государственную нагрузку на экономику, ВВП России рос большими темпами (см. рис. 8), это еще раз указывает на тот факт, что научно-технический прогресс, качество жизни и ВВП не всегда между собой связаны. Действие институциональной ловушки, напротив, значительно усиливается при большом росте ВВП.

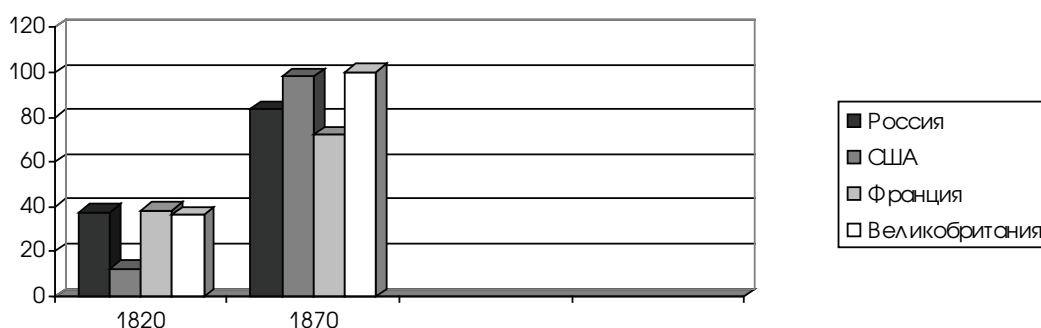

Рис. 8. Прирост ВВП в России и некоторых странах мира, млрд долл. США 1990 г. (округленные показатели).

Источник: Maddison A. *The World economy: a millennial perspective*. OECD, 2001. pp. 184.

Таким образом, мнения У. Ростоу и Й. Шумпетера, в современной российской экономической науке развитые Е. Гайдаром, в том плане, что рост ВВП определяет состояние развития общества, опровергаются примером России. Высокая динамика экономического роста, напротив, оказалась в первой половине XIX в. вредна для российского общества, так как элита, получавшая большие доходы от эксплуатации труда населения страны и от экспорта зерна, не имела стимулов для преобразований. Верховная власть в лице монархов и их окружения, включая высшие военные чины, получила дополнительные экономические возможности для проведения разрушительной, как для своей, так и для других стран, внешней политики. Одним из результатов этой политики стало спасение Австрийской империи Габсбургов, продление существования которой заложило фундамент для будущего глобального вооруженного конфликта — Первой мировой войны.

Чтобы лучше понять, что значила роль «европейского полицейского» для России, надо сопоставить затраты на военные нужды с тем, что могла бы получить ее экономика на эти деньги, не случись, допустим, Крымской войны (табл. 4).

В 1850-е гг. в России насчитывалось не более сотни речных и морских пароходов и примерно столько же паровозов, а их могло быть тысячи, не ввязись Российская империя в очередную военную авантюру. Надо сказать, что Крымская война вообще могла бы не произойти, если бы правительство Николая I потратило деньги не на подавление революции в Венгрии, а закупило бы на эту сумму (примерно 47 млн руб.) порядка сотни боевых пароходов [12]. Едва ли Британия в таком случае решила бы на войну с Россией.

Таблица 4

Альтернативные издержки Крымской войны

Паровозов	Речных пароходов-буксиров (туеры)	Километров железных дорог
13300	16000	2540

Источник: расчеты автора на основании конъюнктуры российских цен на инвестиционные товары того периода.

Издержки от политической роли мирового полицейского выразились также в другом. Реакция при Николае I сдерживала развитие образования, приведенные на этот счет данные говорят сами за себя (см. рис. 9). Очевидно, что количество студентов было жестко привязано к политической конъюнктуре, в 1825–1836 гг. и 1848–1854 гг. произошло уменьшение численности студентов в российских вузах, но эти периоды были временем реакции, следовавшей за известными политическими событиями.

Результатом глобальных геополитических изменений конца XVIII – начала XIX вв. стало для России ее отставание в сфере модернизации. Это очевидно, когда мы сравним показатели социально-экономического развития Пруссии и России после наполеоновских войн и до начала 1850-х гг. (табл. 5). Пруссия с 1815 по 1870 гг. не вела крупных внешних войн, но имела при этом с Российской империей схожую политическую структуру, в которой приоритет принадлежал власти монарха.

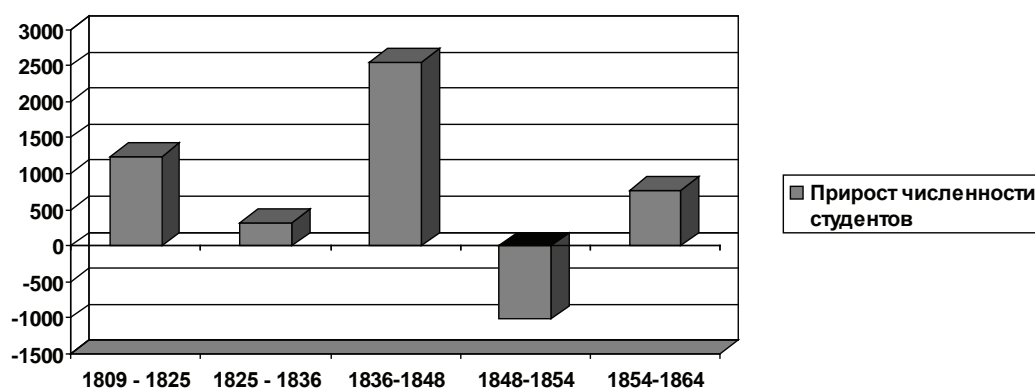

Рис. 9. Динамика численности студентов и гимназистов
Составлено по: Милюков П.Н. История русской нации. М.: Эксмо, 2008.

Таблица 5

Некоторые показатели социально-экономического развития России и Пруссии по периодам

	Россия	Пруссия
Протяженность шоссейных дорог во второй половине 1810–1820-е гг., км	390	4 000
Протяженность шоссейных дорог в 1850 г., км	3 300	12 000 (в масштабах всего Германского таможенного союза, дороги в его государствах строились преимущественно на деньги Пруссии)
Протяженность железных дорог в 1855 г., км	937	3700
Приблизительная численность промышленного пролетариата в 1853 г.	400 000	1 000 000
Приблизительный процент грамотного взрослого населения в 1810–1830-е гг.	8	65

Составлено по: Милюков П.Н. История русской нации. М.: Эксмо, 2008, Пушкирев С.Г. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Том I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб, 1898; Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М.: Академический Проект, 2004; Aufbruch ins Industriezeitalter. In 3 B-de. Bd. 3. Muenchen: R. Oldenbourg Verl., 1985.

Таким образом, роль европейского полицейского дорожно-транспортного сектора в России, замедлив темпы ее модернизации. Военные конфликты имели своим следствием также экспансию России. Пример России первой половины XIX в. показывает, что социально-экономическое развитие может носить на определенных исторических этапах нелинейный характер. Само развитие производительных без соответствующих институциональных условий в итоге может обернуться ростом непроизводительных расходов, это прямое следствие ситуации институциональной ловушки. Бурный экономический рост, который имел место в России начала XIX в. обернулся для нее не благом, а фактором отставания, так как отсталая институциональная система получила возможность к самовоспроизводству в еще больших масштабах, чем ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М.: Академический проект, 2004.
2. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
3. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925.
4. Кеппен П.И. О народных переписях в России, Записки Русского географического общества. По отделению статистики. Т. VI. СПб, 1889. С. 68–69.
5. Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII — первой половины XIX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.
6. Латов Ю.В. Новая экономическая история гражданской войны в Америке и лик-

- видации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.
7. *Литвак К.Б.* Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниково-ведческий аспект) // История СССР. 1990. № 1.
 8. Настольный энциклопедический словарь. Т. I. История Российской империи. М.: А. Гранат и Ко, 1899.
 9. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
 10. *Попов Г.Г.* Дискуссионные вопросы генезиса капитализма и экономического развития Европы в Новое время // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 1.
 11. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Черноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия История, 2004.
 12. *Широкоград А.* Германия. Противостояние сквозь века. М.: Вече, 2010.
 13. *Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) Г.* Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб, 1901.
 14. Экономическая история мира. Европа. Т. 2 / Под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2004.
 15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. М.: Терра, 2001
 16. *Leroy-Beaulieu P.* Traite de la Science des Finances. P.: Guillaumin, 1888.
 17. *Maddison A.* The World economy: a millennial perspective. OECD, 2001.